

УДК 347.12

doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.52-68

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ИНТЕРЕС» И «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЕКУНДАРНЫХ ПРАВ

Е.М. Тужилова-Орданская

Башкирский государственный университет, г. Уфа, 450076, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблемам соотношения категорий «интерес» и «добросовестность» в процессе осуществления секундарных прав. На основе анализа правоприменительной практики и цивилистической литературы сформировано представление об особенностях применения этих общеправовых категорий к осуществлению секундарных прав с учетом того, что последние носят вторичный характер по отношению к субъективным гражданским правам. Для решения поставленных задач использовались следующие методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; а также частнонаучные методы – юридико-догматический и метод толкования правовых норм. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что реализация юридических возможностей в одностороннем порядке, направленных на создание и преобразование правоотношения как идеальной модели фактических объективно существующих взаимосвязей и взаимодействий людей, имеет в качестве движущей силы социально-экономический интерес, причем такое осуществление секундарных прав должно соответствовать «абстрактному» добросовестному поведению.

Ключевые слова: интерес, потребность, принцип добросовестности, субъективные гражданские права, секундарные права

Две категории – «интерес» и «добросовестность» – издавна были предметом рассмотрения и пристального изучения ученых-правоведов, особенно представителей цивилистики как отрасли, в сфере регулирования которой проявление указанных понятий особо ярко выражено.

Теоретический аспект изучения и анализа механизма правового регулирования общественных отношений в общей теории права предполагает, что с целью последовательного рассмотрения данных вопросов исследование следует начинать с раскрытия такого понятия, как «интерес». Это объясняется тем, что именно с интереса начинается правовое регулирование общественной жизни, право призвано быть средством обслуживания интереса, его удовлетворения.

Интерес как научная категория является предметом изучения целого ряда наук, так как данное явление имеет свое проявление и влияние почти во всех сферах общественной жизни, давая почву для исследовательской деятельности

в широких научных кругах. Указанное понятие занимает значительное место и в праве как науке, посвященной изучению закономерностей развития правового регулирования отношений, складывающихся и протекающих в процессе жизнедеятельности и взаимодействия индивидуумов и групп людей в обществе.

Интерес имеет место в самых различных общественных отношениях, так как он составляет ядро этих отношений. Интерес имеет своего рода «центробежную силу», которая, в зависимости от интенсивности, затрагивает всё вокруг: предметы материального мира, отдельных лиц и их группы, государство и органы государственной власти, вовлекая их в те самые общественные отношения. Право, как регулятор этих общественных отношений, должно безусловно принимать во внимание и считаться с тем или иным проявлением интереса, а порой даже ограничивать и сдерживать его, вводя определенные рамки его реализации вовне, ради поддержания равновесия и баланса в обществе.

Еще со времен римского права известно об интересе как публичном или общегосударственном, так и частном, то есть личном. Нас интересует именно сфера реализации частного интереса, сфера частной инициативы и частного самоопределения. И.А. Покровский приводил в данном контексте высказывание римских юристов: «Публичное право есть то, что относится к положению римского государства, частное – то, что относится к интересам частных лиц» [1, с. 299].

Что же включает в себе интерес с точки зрения права и почему данная категория так важна для создания эффективной и справедливой системы правового регулирования общественных отношений? Общеизвестно, что деятельность человека в мире, как существа, обладающего сознанием, предопределяет и направляет его мыслительно-волевая сфера разума. Изучение основ и закономерностей сознательных процессов этой сферы представляет немаловажное, если не основополагающее значение для общенаучного исследования в целом, и для юриспруденции как науки о праве в частности. Необходимость изысканий по данному вопросу в конечном итоге направлена на совершенствование права, в частности гражданского, призванного к упорядочению имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве и автономии воли.

Две категории – «интерес» и «потребность» – неразрывно связаны между собой, и большинством авторов исследуются в совокупности. В научной литературе имеется довольно большое количество изысканий по вопросу соотношения двух вышеназванных категорий. Не останавливаясь подробно на них, следует только сказать, что интерес понимается как отличное от других качественное состояние потребности [2, с. 12]. Иными словами, интерес, по мнению С.В. Михайлова, «представляет собой потребность, присущую человеку как социальному субъекту, т. е. потребность, имеющую социальный характер. Именно такая потребность выступает в качестве интереса» [3, с. 21]. Аналогичного мнения придерживался и другой выдающийся ученый-цивилист В.П. Грибанов [4, с. 197].

В п. 2 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) закреплено, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе.

Право призвано регулировать общественные отношения таким образом, чтобы обеспечить максимально возможное удовлетворение интересов максимально возможного количества участников таких отношений. К примеру, В.В. Степанян

отмечала, что «основываясь на своих интересах, люди вступают в определенные отношения друг с другом, и поэтому с формирования и осознания субъектами своих интересов возникает и необходимость в правовом регулировании» [5, с. 47]. При этом механизм регулирования должен быть сбалансированным и эффективным настолько, чтобы можно было рассматривать такую правовую систему в рамках отдельного государства как справедливую, то есть предоставляющую равные и равноценные юридические средства удовлетворения интересов.

Говоря, в частности, о гражданском праве, стоит согласиться с высказанным Т.С. Яценко мнением, что «в самом общем виде назначение гражданского права заключается в установлении в процессе регулирования общественных отношений твердого правопорядка с целью охраны, прежде всего, частных интересов» [6, с. 4].

Каждый участник гражданско-правовых отношений обладает своим уникальным интересом, не совпадающим с интересами других лиц. Наиболее ярко такое обособление частного интереса проявляется при установлении договорных отношений. Так, Д.И. Степанов отмечал, что «интересу одной стороны договора здесь противостоит интерес другой, причем как сама необходимость заключения договора, так и его последующее исполнение направлены на удовлетворение таких противостоящих интересов: интерес каждой стороны достигается посредством заключения и последующего исполнения договора» [7, с. 196]¹. В то же время Е.А. Крашенинников указывал, что под законным интересом следует понимать интерес, получивший признание со стороны закона путем предоставления его носителю субъективного юридического права как средства его удовлетворения [9, с. 133].

Правовое регулирование отношений предполагает наделение участников таких отношений определенными юридическими средствами достижения и удовлетворения их интересов². Такое распределение юридических возможностей может быть различным и зависеть от многих факторов и обстоятельств, в которых протекают эти общественные отношения.

Выделяемые в общей теории права англо-саксонская и романо-германская правовые семьи имеют кардинальные, отличные друг от друга подходы, методы регулирования, источники права, уникальные правовые институты, которые могут иметь эффективное практическое применение только будучи в контексте той правовой действительности, где они получили свое начало и развитие. В свою очередь, правовая система отдельного государства уникальна и неповторима по отношению к правовым системам других государств, даже в рамках одной правовой семьи. И уж тем более правовая система любого конкретного государства может изменяться на протяжении всего времени своего существования в зависимости от политического режима, способа производства, домини-

¹ В том же ключе рассуждал М.И. Брагинский, отмечавший, что конструирование того или иного договора как реального или, напротив, консенсуального зависит от того, в чем выражается интерес каждой из сторон и какова, соответственно, цель договора, которая в общем виде представляет собой сумму интересов контрагентов [8, с. 315].

² Так Г.В. Мальцев отмечает: «Чтобы практически реализовать тот или иной интерес, используя правовые средства, нужно, во-первых, правильно осознать объективный интерес и, во-вторых, установить надлежащее правовое средство, убедиться в том, что оно адекватно сущности интереса и может указать надлежащий

рующего в экономике, социальной сферы общества, наличествующей в государстве идеологии.

На протяжении всего исторического развития правовой системы мы можем наблюдать, как в зависимости от социально-экономического контекста, меняются концептуальные принципы правового регулирования отдельных институтов частного права. В качестве примера можно привести изменения, связанные с залоговыми правоотношениями в римском гражданском праве. Так, первоначально целям залога служил институт *fiducia*. Должник передавал закладываемую вещь кредитору юридически в его полную собственность. Если долг не будет уплачен, кредитор имел право не возвращать вещь, он становился окончательным собственником вещи. В случае, если долг будет уплачен, но кредитор вещи не вернул, должник не имел какого-либо иска. Лишь впоследствии преторским эдиктом на этот случай был установлен иск – *actio fiduciae* [1, с. 352–353]. Таким образом, у кредитора не возникало какой-либо обязанности по возврату вещи, даже в случае добросовестного исполнения обязанности со стороны должника: кредитор имел право вернуть вещь либо оставить ее у себя, независимо от поведения противоположной стороны. Можно сказать, что такое право имеет признаки вторичности.

Сам же И.А. Покровский по этому поводу отмечал, что интерес, которому служит институт *fiducia*, есть исключительно интерес кредитора – «желание как можно надежнее обеспечить кредитора приводит к забвению справедливых интересов должника» [1, с. 352–353]. Данная специфика правового регулирования, характерная для того времени, обусловлена тем фактом, что кредитные сделки были редкостью и воспринимались как явления экстраординарные в условиях экономической крайности. С течением времени и увеличением капиталов *fiducia* оказалась недостаточной для обеспечения потребностей экономического оборота.

Позднее *fiducia* сменил *pignus*, суть которого заключалась в том, что должник передавал кредитору вещь не в собственность, а в простое владение, и вся обеспечительная сила такого залога заключалась только в том, что кредитор мог удерживать вещь у себя, пока долг не будет уплачен [1, с. 375].

Становится очевидным, что при *fiducia* в первую очередь подразумевались главенствующими интересы кредитора, однако когда стали применять *pignus*, наблюдалась противоположная крайность – интересы кредитора были обеспечены не так очевидно, как то требовалось с точки зрения разумности и целесообразности, тогда как интересы должника находились в более привилегированном положении.

На данном примере мы можем видеть, насколько те или иные подходы правового регулирования обуславливают правовое положение лиц в конкретных правоотношениях. Именно поэтому важно с точки зрения развития и совершенствования гражданского законодательства определить и сформулировать подход к закреплению за участниками гражданского оборота таких юридических возможностей, которые позволяют изменять не только свою, но и чужую правовую сферу.

Достижение данной цели обуславливает необходимость четкого разграничения таких понятий, как интерес, с одной стороны, и юридические возможности, составляющие суть как субъективных, так и вторичных прав, с другой стороны.

способ его реализации» (Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности: Теоретические вопросы. М.: Юрид. лит., 1968. С. 101).

Следует принять в качестве догмы тот факт, что за любым правоотношением наличествует интерес их участников, мотивированных осознанными потребностями и стремящихся обеспечить их удовлетворение.

Как верно отмечено И.А. Покровским: «...Отдельный, конкретный, живой человек составляет конечную цель, “целевого субъекта” (“Zwecksusbsbiect”) всего гражданского права, ибо только живой человек может страдать и радоваться, может иметь интересы» [10, с. 33].

Прежде всего, необходимо уяснить, что не следует ставить знак равенства между интересом и юридическими возможностями как определенными благами, воспринимаемыми и провозглашаемыми таковыми с точки зрения юриспруденции. Бесспорно, право в субъективном его понимании является «положительной» категорией, «ценностью» для обладателя такого права. Но не следует отождествлять право как юридическое средство и интерес как осознанную потребность, так как первое служит лишь инструментом достижения последнего. Исходя из такого понимания, можно выделять социально-экономический интерес как первоначальный и юридический интерес как вторичный структурный элемент в механизме правового регулирования.

Так, С.В. Михайлов утверждал, что необходимо различать материально-правовой интерес, то есть тот, который достигается посредством установления, изменения, прекращения субъективных прав и обязанностей, говоря иначе, правоотношения [3, с. 38]. С другой стороны, ученый также проводил анализ непосредственно социально-экономических интересов или фактических [3, с. 40]. Интерес не обязательно должен быть экономическим, напротив, он может иметь для лица исключительно морально-нравственную ценность. Однако важно, чтобы экономическая составляющая также могла характеризовать то, на что интерес направлен, даже если он имеет морально-нравственную окраску [11, с. 12]³.

Для большей наглядности можно привести в качестве примера приобретение правоспособным лицом по договору купли-продажи какого-либо имущества. Правовой целью или основанием данного типа договора (causa) является переход права собственности как абсолютного права, предоставляющего его владельцу наиболее полную фактическую власть над вещью. Можно говорить, что лицо имеет юридическую цель⁴ – приобретение права собственности, достигнута эта цель в данном случае посредством обязательственного правоотношения, устанавливающего права требования и обязанности относительного типа. Таким образом, лицу для удовлетворения его юридического интереса в обладании правом собственности на вещь необходима реализация другого юридического интереса, а именно установление обязательственного правоотношения и его надлежащее исполнение. Тем самым посредством решения данных задач происходит реализация социально-экономического интереса, которая зависит от приобретаемой

³ Стоит отметить, что Г. Альпа (G. Alpa), В. Зено-Зенкович (V. Zeno-Zencovich) придерживаются той точки зрения, согласно которой субъективные гражданские права – это индивидуальные интересы, защищаемые непосредственно правовыми нормами [11, р. 12]. Однако вполне очевидно, что «мнение о невозможности включения интереса в содержание субъективного права поддерживает большинство советских и современных авторов (С.Н. Братусь, Г.В. Мальцев, В.П. Грибанов, Н.И. Матузов, С.Н. Сабикенов, Д.М. Чечот, Р.Е. Гукасян, В.И. Серебровский)» (Тебряев А.А., Конопченко Ю.П. Интерес и субъективное право: проблемы соотношения // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010, Т. 2, № 111. С. 37).

⁴ Не следует смешивать с правовой целью, основанием сделки (causa).

вещи. Далеко не всегда социально-экономические интересы очевидны для участников гражданского оборота, зачастую эти глубинные, фактические интересы скрыты, однако именно они детерминируют активность человека, обуславливают его мотивы⁵. Мотив в данном контексте следует понимать как процесс, представленный в виде системы физиологической и психологической активности, управляющий поведением человека, детерминирующий его направленность, организованность и устойчивость⁶.

Довольно противоречивой представляется точка зрения А.В. Малько, который утверждал, что «субъективное право и законный интерес – различные подспособы правового регулирования. Первый – более сильный в юридическом плане, более гарантированный, более надежный. Второй же, несомненно, менее юридически обеспеченный, чем субъективное право, но является подчас не менее важным, ибо выступает более глубоким подспособом правового регулирования» [13, с. 68]. С такой позицией трудно согласиться, потому что интерес, как явление, существующее вне права, ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как способ правового регулирования. Сложно представить механизм юридического воздействия интереса на общественное отношение. Законодатель, апеллируя к понятию «законный интерес», подчеркивает значимость и целенаправленность права как надстроечного понятия по отношению к социально-экономическим связям лиц, к их интересам, существующим независимо от права. Сказанное тем более актуально, так как интерес может обуславливать такое поведение, которое с точки зрения права считается недопустимым, противоправным, то есть такой интерес не является законным, однако он продолжает оставаться интересом, так как является объективным понятием по отношению к праву. Более правильно было бы говорить, что именно поведение, активность лиц, обусловленные интересом, должны соотноситься с правом, так как деятельность субъектов в рамках общественных отношений имеет значение для права. В противоположность этому не всегда противоправное поведение лиц детерминировано незаконным интересом, интерес может быть вполне правомерным (и даже соответствовать высоким нравственным стандартам), но способ его удовлетворения таковым не является.

Таким образом, законный интерес следует определить как не противоречащую праву осознанную потребность лица, которая мотивирует его к определенному варианту поведения, который уже, в свою очередь, может быть законным или незаконным. Законным необходимо считать тот, который приводит к удовлетворению интереса в результате осуществления мер юридически возможного или должного поведения.

⁵ О.М. Родионова определяла соотношение данных понятий следующим образом: «...Мотивом гражданско-правовой деятельности являются имущественные и неимущественные интересы» [12, с. 11]. Следует сказать, что такие понятия, как «интерес», «цель», «мотив», их соотношение являются дискуссионными вопросами как в психологии – науке, изучающей закономерности функционирования психических процессов человека, – так и в юриспруденции, а также в экономике, социологии и других отраслях науки, где человек, его поведение занимают центральное положение в структуре предмета изучения.

⁶ В психологии мотив обычно определяется как состояние физиологического или психологического возбуждения, которое влияет на поведение. Например, физиологическое возбуждение, такое как голод или жажда, побуждает нас есть или пить что-нибудь. Мотив классифицируется как промежуточная переменная, так как будучи заключенным в человеке, мотив «вклинивается» между стимулом и реакцией (URL: <https://www.eruptingmind.com/motives-and-drives-in-psychology/>).

Исходя из изложенного, необходимо обозначить такую последовательность. Первоначально возникает потребность, которая перерастает в интерес. Данный интерес порождает и обуславливает мотив поведения конкретного лица. Основываясь на этом, лицо в рамках своей правоспособности становится участником гражданско-правовых отношений приобретает права и обязанности, позволяющие добиться удовлетворения интересов. Следует особо отметить, что именно приобретение и реализация субъективных гражданских прав, а также исполнение обязанностей является целью субъектов права, они представляют из себя первичные юридические средства. С другой стороны, секундарные права как юридические возможности, реализуемые в одностороннем порядке и направленные на образование и преобразование правоотношений, являются, как уже было отмечено, правовыми средствами, объектом воздействия которых выступают эти самые гражданские права и обязанности. В этом проявляется их вторичный характер. Секундарные права – это так называемые юридические средства над юридическими средствами⁷. При этом право как таковое интересуется именно интерес лиц в обладании правовыми средствами удовлетворения фактического интереса. Иными словами, социально-экономические интересы и мотивы поведения остаются за рамками правового регулирования. В частности, М.И. Брагинский говорил, что «и характер и самое наличие интереса относятся к области мотивов в сделке, которые в круг ее оснований не входят» [8, с. 372]. В то же время стоит особо оговорить, что секундарные права не следует относить к непосредственному предмету юридического интереса участников правоотношений, таковыми являются субъективные права и обязанности, представляющие непосредственную ценность для них.

Подводя некоторый итог вышесказанному, следует еще раз отметить особую направленность осуществления секундарных прав, а именно – на организацию, преобразование и прекращение правоотношения, то есть они представляют интерес для субъектов права лишь постольку, поскольку являются средством реализации их «фактического» интереса.

Учитывая эту направленность, основную суть секундарных прав, а также принимая во внимание, что правоотношение предполагает всегда нескольких участников, необходимо обозначить фигуру противоположной стороны, фактическое и правовое положение которой следует обозначить как пассивное состояние «подчинения» или «связанности» и над правовой сферой которой обладатель секундарного права может осуществлять полномочия. При этом такое «связанное» лицо не может исключать себя из сферы таких полномочий, а должно подчиняться им.

Именно данное обстоятельство ставит вопрос о том, каким образом возможно осуществление секундарных прав с тем, чтобы их реализация соотносилась с интересами связанной стороны. Ответ следует искать в общих принципах гражданского права. Так п. 3 ст. 1 ГК РФ определяет, что при установлении,

⁷ М.И. Брагинский также называл секундарное право как «право на право». Так, рассуждая о правовом положении третьего лица в договоре до выражения им своего желания на участие в договоре, ученый предполагал, что данное третье лицо также обладает вполне определенным правом, которое «выражается в возможности для третьего лица присоединиться соответствующим образом к договору». При этом, как он отмечал, «указанному праву противостоит лишь связанность того из контрагентов, кто является должником в соответствующем обязательстве» [8, с. 372].

осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. И тут же в следующем пункте установлено, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Названный принцип, несмотря на его первостепенную важность, появился в ГК РФ относительно недавно. Добросовестность, как необходимое условие реализации правоспособности, осуществления гражданских прав, исполнения обязанностей, закреплена во многих законодательных актах зарубежных стран в области регулирования гражданско-правовых отношений. Данный принцип является стандартом поведения в области международной частной коммерции, так в ст. 1.7 Принципов международных коммерческих договоров 2010 (УНИДРУА) закреплено, что каждая сторона обязана действовать в соответствии с принятыми в практике международной торговли добросовестностью и честной деловой практикой, при этом стороны не вправе исключить или ограничить эту обязанность. Согласно абз. 1 ст. 7 Венской конвенции (ВК) при ее толковании необходимо, помимо прочего, учитывать цель соблюдения «добросовестности» в международной торговле.

Категория «добросовестность», ее изучение и исследование имеют долгую историю и разрабатываются доктринами различных стран как европейского региона, так и североамериканского континента. Это подчеркивает универсальный характер данного принципа, имеющий свое значение и влияние в романо-германской и англо-саксонской правовых семьях. К примеру, в немецкой цивилистике «добрую совесть отождествляют с моральным стандартом, рассматривают ее как морально-правовой принцип, который означает честность, порядочность и тому подобные свойства человеческого поведения» [14, с. 82]. В правовых системах большинства стран проводится различие между субъективной и объективной добросовестностью. Субъективная добросовестность обычно определяется как субъективное состояние сознания человека, а именно незнание или невозможность знания определенного факта или события. Это особенно актуально в вещном праве. Объективная добросовестность рассматривается как концепция, на которую обычно ссылаются в качестве нормы поведения договаривающихся сторон, то есть «действовать в соответствии с доброй совестью» [15, р. 471].

Американская правовая система также оказалась под влиянием концепции «доброй совести» (good faith), рассматриваемой как неосознанное и абстрактное качество, не имеющее технического смысла или законодательного определения и включающее в себя, среди прочего, честное убеждение, отсутствие злого умысла и отсутствие замысла обмануть или извлечь необоснованную выгоду [16, р. 693]⁸.

Отечественная правовая доктрина также находится на пути исследования и выяснения сути данного правового принципа уже на протяжении многих лет. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «взгляд на различие между правом и нравственностью следует понимать так, что право оценивает отношение человека к другим людям с точки зрения соответствия установленным объективно нормам, тогда

⁸ Следует отметить, что принцип добросовестности нашел свое конкретное выражение применительно к институтам американского частного права: в самом общем значении этот термин обычно используется для описания состояния сознательно-волевого компонента, обозначающего честность намерений, отсутствие замысла обмануть и, говоря в общем, верность своему долгу и обязанности.

как нравственность оценивает то же отношение с точки зрения мотивов, побуждающих к такому поведению. Право довольствуется внешней правильностью, нравственность требует внутренней правильности» [17, с. 316–317].

Несколько с опаской к принципу «доброй совести» относился И.А. Покровский. Рассматривая данное понятие с точки зрения злоупотребления правом, квалификации подобных действий, ученый отмечал: «Предоставляя судам возможность определять наличие злоупотребления правом по соображениям справедливости, предоставляя им возможность взвешивания коллидирующих интересов по степени их важности, Швейцарское Уложение этим самым выводит всю область осуществления прав из-под действия юридических норм, отдавая ее под контроль некоторых незаконных критериев», приводя довод, что «границы между предписаниями права и требованиями морали сотрутся» [18, с. 117].

Поскольку, как уже было отмечено, принцип добросовестности, его содержательная сторона, сфера применения были и являются объектом пристального внимания исследовательских изысканий представителей юридической науки, считаем более предпочтительным обозначить значение данного принципа и его соотношение с категорией «интерес» в контексте правоотношений, осложненных секундарными правами.

Стоит упомянуть небезызвестное утверждение И.А. Покровского, а именно: «Принцип договорной свободы закрепляет несвободу экономическую и при известных условиях может являться фактором настоящего экономического рабства» [18, с. 263]. Несколько расширив сферу данного высказывания, можно сказать, что свобода воли субъектов права детерминирована и обусловлена экономическими условиями жизни общества. Более того следует отметить, что даже социальная диспозиция элементов общественной структуры оказывает значительное влияние на правовую сферу взаимоотношений людей.

Противоположность, разнообразие, многочисленность фактических интересов приводят к осознанию необходимости права. Таким образом, право, выступая регулятором общественных отношений, тем самым упорядочивает их, очерчивает границы дозволенного. Субъекты права получают в свое распоряжение набор правовых средств, позволяющий обеспечивать удовлетворение интересов, их охрану и защиту в случае необходимости. Однако с учетом правовых сдержек и ограничений, устанавливаемых правовой системой, невозможно полностью исключить проявление экономической составляющей деятельности лиц, то есть фактических интересов. Подобная взаимосвязь и обусловленность экономической и правовой сфер общества должна восприниматься как разумеющаяся, характерная черта человеческой природы и общечеловеческого бытия. Именно данное обстоятельство должно быть принято во внимание при анализе соотношения интересов различных лиц, участников общественных отношений, сторон обязательства, контрагентов договора. В рамках подобного рассмотрения соотношения интересов с целью обеспечения баланса интересов право, правоприменительная практика используют, помимо прочего, такую категорию, как добросовестность. На первый взгляд может показаться, что использование субъективной категории не приемлемо либо, по крайней мере, не совсем корректно, ведь, как уже отмечалось, мотивы поведения, непосредственное психологическое целеполагание и отношение лица к значимому с точки зрения права поведению лежат за пределами гражданского

права, имеющего дело лишь с проявлением вовне интересов субъектов права⁹. К примеру, Л.В. Щенникова и М.О. Быкова высказывались по этому поводу так: «Можно ли добросовестность обозначить принципом гражданского законодательства? Думается, что нет. Ведь принцип – это основная идея, отражающая смысл гражданского законодательства. Но идеи из внутреннего, а значит, субъективного, не могут отражать смысл того, что объективно существует, т. е. гражданско-правовой материи. С этой точки зрения п. 3 ст. 1 ГК РФ – это научная ошибка» [19, с. 51].

Однако если посмотреть на историю развития частного права, то можно со всей очевидностью утверждать, что субъективная сторона человеческой деятельности всегда выступала определяющим фактором развития самого права как чего-то объективного, лишённого «чувств». Ещё И.А. Покровский писал: «Вопросы права утрачивают свое самодовлеющее значение и делаются лишь частными отголосками больших философских вопросов», тут же отмечая, что «видимые течения в юриспруденции оказываются лишь продолжением других, невидимых течений, скрывающихся глубоко в наших этических убеждениях или предрасположениях» [18, с. 80].

Использование оценочных категорий в частном праве предопределено самой его сущностью. Частное право – это сфера реализации автономии воли, свободы. Люди обмениваются своим трудом ради взаимной выгоды, со взаимного согласия, каждый по собственной воле, когда их личные интересы совпадают и обе стороны заинтересованы в обмене. Если же у них нет желания, они не обязаны иметь дело друг с другом. Это единственно верная форма отношений между равными.

Безусловно, степень этой свободы может быть различной и зависеть от большого количества факторов: общий уровень развития цивилизации, принадлежность к той или иной правовой семье, социально-экономические условия развития страны, внутренняя и внешняя политика правящего класса, та или иная идеология государства. Однако какими бы ни были конкретные индивидуальные особенности правовой системы, как бы ни была сведена к минимуму мера свободы усмотрения относительно собственного поведения в рамках частного права, оно всегда сохранит свою суть – автономность воли. Если субъекты права ее лишены, то и нельзя говорить, что есть частное право как таковое.

Предоставленная частным правом свобода, определяющая правовое поведение субъектов права, нуждается в оценке качества ее реализации в том смысле, что свобода одного лица может затрагивать свободу другого. Критерием такой оценки призван служить принцип добросовестного поведения. Так, в научной литературе допускается, что «понятие “добросовестность” в контексте взаимоотношения морали и права имеет существенное значение как моральное и связующее понятие, используемое законодателем в текстах нормативных актов для придания соответствующим правоотношениям этической окраски» [20, с. 23]. Однако сказанное не означает, что добросовестность как этическая, нравственная категория является чем-то противоположным праву, каким-то внешним фактором.

⁹ Следует, однако, упомянуть исключения, когда гражданское право принимает во внимание сознательно-волевые процессы, детерминирующие внешнее поведение людей, например: вина при совершении деликта, недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, институт возмещения морального вреда и т. д.

Еще в немецкой литературе по этому поводу отмечалось, что «задачей принципа добросовестности является обеспечение правового регулирования отношений таким образом, чтобы достигался результат, который подразумевается и преследуется действующим правом» [21, с. 90].

Таким образом, в контексте осуществления вторичных прав требование добросовестного поведения должно с необходимостью накладываться на вторично-управомоченное лицо ограничения реализации с тем, чтобы по возможности исключить злоупотребление вторичным правом. Сказанное, безусловно, справедливо и для субъективных прав, однако особая правовая сущность вторичных прав, позволяющая в одностороннем порядке оказывать влияние на чужую правовую сферу путем конструирования правоотношений, предполагает и требует более внимательного отношения к осуществлению таких прав.

Так каким же образом должны соотноситься добросовестность, с одной стороны, и интерес – с другой, причем интерес как вторично-управомоченного лица, так и «связанного» лица? Как верно отмечалось в немецкой цивилистической литературе, «правообладатель не находится в “вакууме”, вовлечение его в те или иные общественные отношения накладывает на него обязанность осуществления его прав таким образом, чтобы при этом учитывались права и интересы контактирующих с ним лиц» [22, S. 54]. Однако встает вопрос, какой именно интерес должен учитывать правообладатель при реализации юридических возможностей, заложенных во вторичных правах. Как уже указывалось, следует выделять непосредственный юридический интерес и фактический интерес, опосредованный этим самым юридическим интересом и представляющий социально-экономическую ценность. Само по себе осуществление вторичных прав не может приводить к нарушению или ущемлению прав и интересов противоположной «связанной» стороны, при этом стоит особо подчеркнуть – интересов юридического характера. В самом деле, осуществление предоставленных участнику правоотношения вторичных прав коррелируется с правами и обязанностями иных участников правоотношения, то есть с их правовым положением, представляющим для них юридический интерес¹⁰. Вступая в правовые связи, обуславливая модель и структуру юридических взаимоотношений, стороны такого правоотношения принимают факт наличия в его структуре таких односторонне осуществляемых юридических возможностей, соотносят со своим правовым положением и допускают возможность их реализации.

Но подобный формализм осуществления вторичных прав подрывал нравственные, этические устои взаимодействия людей в обществе, с необходимостью присущие праву вообще, и гражданскому праву в частности. Безусловно, такие субъективные морально-нравственные основы кардинальным образом отличаются от одной общности людей к другой, от одной исторической эпохи к другой, отличной может быть степень их взаимосвязи и взаимообусловленности с правом, однако, тем не менее, нельзя не учитывать их определяющую роль в построении справедливой правовой системы и моделей правоотношений, основанных

¹⁰ Здесь следует говорить именно о правовом положении в целом, так как можно считать общепризнанным тот факт, что вторичному праву не противостоит обязанность как праву субъективному.

и существующих в рамках такой системы¹¹. Данный фактор также находит свое подтверждение в п. 6 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (КГЗ), где акцентировано внимание на том, что развитие экономики и становление гражданского общества требуют использовать все возможные меры и средства гражданского законодательства, чтобы обеспечить добросовестное и надлежащее осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей.

Таким образом, можно прийти к выводу, что добросовестность поведения секундарно-управомоченной стороны правоотношения требует принятия во внимание и учета не интересов юридического характера, а социально-экономических интересов «связанной» стороны. Иначе говоря, добросовестность предполагает, что лицо, обладающее секундарным правом, при осуществлении этого права будет соотносить свои юридические интересы (представленные как субъективными, так и секундарными правами) и фактические интересы (которые опосредованы интересами юридическими) с фактическими интересами других участников гражданского правоотношения. Здесь снова проявляется автономность регулирования общественных отношений, составляющих предмет гражданского права, так как оно, по мнению И.А. Покровского, «есть система юридической децентрализации: оно по самому своему существу предполагает для своего бытия наличность множества самоопределяющихся центров», и такие центры «предполагаются носителями собственной воли и собственной инициативы, и именно им предоставляется регулирование взаимных отношений между собой» [18, с. 7]. Таким образом, государство, полагаясь на должный уровень морально-нравственного развития и сознания граждан, предоставляет им возможность самостоятельного установления и реализации правоотношений. И в случае нарушения объективного права, наличия конфликта по поводу осуществления прав и обязанностей публичная власть берет под охрану установленные правоотношения путем отправления правосудия, в рамках которого производит оценку поведения лиц, в том числе с точки зрения добросовестности, определить которую стороны правоотношения самостоятельно в данном случае не в состоянии.

Однако использование столь относительного понятия в качестве критерия надлежащего поведения субъектов права с необходимостью влечет за собой вопрос: какова, в свою очередь, содержательная сторона такого критерия?¹² Стоит сказать, что принцип добросовестности, критерий добросовестности, субъективная и объективная сторона соответствующего поведения являлись ранее предметом исследования многих авторов и продолжают таковыми быть по сей день. Дискуссия по поводу данного принципа приобрела особую интенсивность в свете новелл гражданского законодательства. Во многом, в силу своей природы как

¹¹ Стоит отметить, что понятие «справедливости» весьма относительно и справедливой правовая система будет применительно лишь к определенной общности людей, государству, социально-экономическим условиям, времени развития цивилизации в целом.

¹² В научной литературе отмечается, что «при отсутствии в законе общих критериев добросовестности суды не имеют необходимых ориентиров при применении названных норм» (Цакоева М.А. К вопросу о формах реализации принципа добросовестности в обязательственных правоотношениях в свете новелл Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Юстиция. 2017. № 1. С. 33).

этического понятия, содержание добросовестности вырабатывалось и уточнялось в правоприменительной практике в каждом конкретном случае.

Так каким же образом, под каким углом рассматривать содержательную сторону принципа добросовестности? Если мы попытаемся несколько абстрагироваться и взглянуть на гражданско-правовые отношения со стороны как на некую идеальную модель, служащую ориентиром для общественных отношений и их участников, то можно распознать тот всеобъемлющий подход права как регулятора социально-экономического взаимодействия людей в обществе – это усреднение всех составляющих регулируемых общественных отношений. В таком случае эта самая идеальная модель общественного отношения предстает как некоторое произведение средних значений, характеристик – субъектов права, их интересов, как юридического плана, так и социально-экономического, набора юридических возможностей и долженствования, – наличествующих в конкретных условиях и времени. Так, И.А. Покровский высказывался, что гражданско-правовые нормы «покоятся на предположении некоторого абстрактного человека, своего рода “гражданского человека”. Это – некоторая средняя фигура, представляющая эмпирическое суммирование потребностей и качеств, свойственных среднему в данной социальной среде и в данное время человеку» [10, с. 33].

Не вызывает сомнений, что такой подход «абстрактного человека» с необходимостью должен применяться к принципу добросовестности как понятию, не имеющему своей строго формализованной дефиниции в силу нравственно-этической принадлежности. Таким образом, мы должны определить добросовестность в ее усредненном значении. Представляется верным, что решение данной задачи возможно с точки зрения рассмотрения функционального предназначения принципа добросовестности.

В правоприменительной практике отмечается, что принцип добросовестности способствует выравниванию договорной диспропорции, Верховный суд РФ пришел к выводу, что этот принцип права обязывает участников гражданского оборота вести себя добросовестно, определяя пределы осуществления участниками гражданских правоотношений своих субъективных прав, а выход за эти пределы лица, обладающего этим правом, влечет отказ в его защите¹³. Таким образом, подчеркивается ограничительная функция данного принципа.

Однако ограничительная функция принципа характерна для неразвитых социально-экономических условий и соответствующей им низкой культуры общественного взаимодействия. Цивилизация в целом, государство как общественный институт, право как регулятор общественных отношений должны ставить своей целью достижение наибольшего уровня процветания и благосостояния человеческого общества, что возможно лишь путем создания и установления высоких стандартов взаимодействия производственных отношений и производительных сил, соответствующего их сознательно-волевого восприятия участниками таких отношений. Достижение такого уровня взаимодействия должно обуславливать новую качественно иную модель поведения в целом. Следовательно, гражданское право обязано быть созвучно таким общественным отношениям и воспринимать

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 дек. 2014 г. № 5-КГ14-121 // Справочная правовая система Гарант.

их как гарант честного и справедливого обмена стоимостью и ценностями. В рамках такого гражданского права принцип добросовестности также будет иметь новое качественное применение и выполнять прежде всего стимулирующую функцию как усредненное необходимое и ожидаемое поведение «абстрактного лица», соотносящего свои интересы с интересами иных участников гражданского оборота¹⁴. С точки зрения конструирования правоотношений посредством осуществления секундарных прав принцип добросовестности должен предполагать, что лицо будет реализовывать предоставленные ему юридические возможности таким образом, какого оно с разумностью ожидает от иных лиц в подобном правовом положении по отношению к себе.

Так, Верховный суд РФ отметил, что добросовестность при осуществлении гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей предполагает поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны¹⁵.

Сказанное не должно быть истолковано как обязательность альтруистических действий без какого-либо обоснования. Напротив, добросовестность предполагает разумность и рациональность поведения субъектов права, направленного на удовлетворение их интересов в рамках тех юридических возможностей, которые имеют результатом образование или преобразование правовых отношений, и тем самым влияние на чужую правовую сферу.

Подводя итог сказанному относительно значения и места психологических и этических понятий в процессе осуществления секундарных прав, необходимо резюмировать, что реализация в одностороннем порядке юридических возможностей, направленных на создание и преобразование правоотношения как идеальной модели фактических объективно существующих взаимосвязей и взаимодействий людей, имеет в качестве движущей силы социально-экономический интерес, причем такое осуществление секундарных прав должно соответствовать «абстрактному» добросовестному поведению, предлагающему «усредненный» стандарт. Так, О.М. Родионова писала, что «добросовестность следует рассматривать как ту ценность, которая выступает в волевом процессе в качестве мотива принятия решения о совершении действия в реальном частном отношении» [12, с. 47].

Безусловно, за таким «абстрактным лицом» не должна пропадать конкретная личность со своим определенным статусом, как правовым, так и внеправовым. «Фигура этого абстрактного, “гражданского” человека не вовсе лишена человеческих качеств» [10, с. 33].

Источники

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

¹⁴ По мнению М.М. Агаркова, начало доброй совести означает честность в отношениях между людьми, когда каждый должен оправдывать то доверие, без которого невозможно совершение гражданских сделок (Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 06. С. 432).

¹⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 янв. 2019 г. № 4-КГ18-93 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012019-n-4-kg18-93/>.

- УНИДРУА – Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / Пер. с англ. А.С. Комарова. – М.: Статут, 2013. – LXXIV, 758 с.
- ВК – Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 10 сент. 1986 г. – № 37. – Ст. 772.
- КГЗ – Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07 окт. 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 11.

Литература

1. *Покровский И.А.* История римского права. – М.: Статут, 2004. – 540 с.
2. *Бондаренко Л.И.* Интерес как категория политической экономики // Экон. науки. – 1970. – № 8. – С. 12–20.
3. *Михайлов С.В.* Категория интереса в российском гражданском праве. – М.: Статут, 2002. – 205 с.
4. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – 411 с.
5. *Степанян В.В.* Выражение интересов общества и личности в социалистическом праве (Механизм: структура, функционирование). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – 157 с.
6. *Яценко Т.С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 363 с.
7. *Степанов Д.И.* Свобода договора и многосторонние сделки (договоры) // Свобода договора: Сб. ст. – М.: Статут, 2016. – С. 181–203.
8. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. – М.: Статут, 2001. – 848 с.
9. *Крашенинников Е.А.* Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 133–141.
10. *Покровский И.А.* Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестн. гражданского права. – СПб.: М.М. Винавер, 1913. – № 4. – С. 30–50.
11. *Alpa G., Zeno-Zencovich V.* Italian Private Law. – N. Y.: Routledge-Cavendish, 2007. – 361 p.
12. *Родионова О.М.* Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. – М.: Статут, 2013. – 336 с.
13. *Малько А.В.* Субъективное право и законный интерес // Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 58–70.
14. *Яценко Т.С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов. – М.: Статут, 2016. – 312 с.
15. *Hesselink M.W.* The concept of good faith // Towards a European Civil Code. – Boston; London: Kluwer Law Int., 2004. – P. 471–498.
16. Black's law dictionary / Ed. by H.C. Black. – St. Paul: West Publ. Co., 1990. – 1657 p.
17. *Шершеневич Г.Ф.* Философия права. Т. 1: Часть теоретическая: Общая теория права: Выпуск первый. – М.: Изд. Бр. Башмаковы, 1910. – VI, 320 с.
18. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. – Пг.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. – 328 с.
19. *Щенникова Л.В., Быкова М.О.* О добросовестности как принципе гражданского права // Власть закона. – 2013. – № 4. – С. 47–51.

20. Федин И.Г. Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы рос. права. – 2018. – № 4. – С. 21–30. – doi: 10.17803/1994-1471.2018.89.4.021-030.
21. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестн. экон. правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 7. – С. 83–114.
22. Esser J., Schmidt E. Schuldrecht. – Karlsruhe: Mueller, 1975. – Bd. I: Allgemeiner Teil. – 294 S.

Поступила в редакцию
18.11.2019

Тужилова-Орданская Елена Марковна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права

Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди, д. 32, г. Уфа, 450076, Россия
E-mail: ordanskayelena@list.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 2, pp. 52–68

doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.52-68

**A Correlation between the Categories “Interest” and “Good Faith”
in Enjoyment of the Secondary Rights**

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya
Bashkir State University, Ufa, 450076 Russia
E-mail: ordanskayelena@list.ru

Received November 11, 2019

Abstract

The problems of how two categories, “interest” and “good faith”, are related while implementing the secondary rights were studied.

Based on the analysis of the current compliance practices and the literature data on civil law, the use of these general legal categories for exercising the secondary rights was considered with regard to the fact that the latter are secondary to the subjective civil rights. The research was performed with the help of the following methods: empirical methods of comparison, description, and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; and private scientific methods, such as the legal dogmatic method and interpretation of legal norms. A special focus was placed on the implementation of the secondary rights, namely on organization, transformation, and termination of legal relations, i.e., the secondary rights are of interest to the legal entities only when they serve the “actual” interest of these entities. It was concluded that the enjoyment of legal opportunities in a unilateral way, being aimed at the creation and transformation of legal relations as an ideal model of the actual objectively existing relationships and interactions between people, is driven by the socio-economic interest, and the secondary rights should be exercised responsibly in line with the “abstract” conscientious behavior.

Keywords: interest, need, principle of good faith, subjective civil rights, secondary rights

References

1. Pokrovskii I.A. *Istoriya rimskogo prava* [The History of Roman Law]. Moscow, Statut, 2004. 540 p. (In Russian)

2. Bondarenko L.I. Interest as a category of political economy. *Ekonomicheskie Nauki*, 1970, no. 8, pp. 12–20. (In Russian)
3. Mikhailov S.V. *Kategoriya interesa v rossiiskom grazhdanskom prave* [The Category of Interest in the Russian Civil Law]. Moscow, Statut, 2002. 205 p. (In Russian)
4. Griбанov V.P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Exercise and Protection of Civil Rights]. Moscow, Statut, 2000. 411 p. (In Russian)
5. Stepanyan V.V. *Vyrazhenie interesov obshchestva i lichnosti v sotsialisticheskome prave (Mekhanizm: struktura, funktsionirovanie)* [Expressing Public and Individual Interests in Socialist Law (Mechanism: Structure, Functioning)]. Yerevan, Izd. Akad. Nauk ArmSSR, 1983. 157 p. (In Russian)
6. Yatsenko T.S. Civil protection of public interests. *Doct. Law Diss.* Moscow, 2016. 363 p. (In Russian)
7. Stepanov D.I. Contractual freedom and multilateral contracts (agreements). In: *Svoboda dogovora* [Contractual Freedom]. Moscow, Statut, 2016, pp. 181–203. (In Russian)
8. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract Law. General Terms]. Moscow, Statut, 2001. 848 p. (In Russian)
9. Krasheninnikov E.A. Interest and subjective civil law. *Pravovedenie*, 2000, no. 3, pp. 133–141. (In Russian)
10. Pokrovskii I.A. Abstract and real human individuals in civil law. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*. St. Petersburg, M.M. Vinaver, 1913, no. 4, pp. 30–50. (In Russian)
11. Alpa G., Zeno-Zencovich V. *Italian Private Law*. New York, Routledge-Cavendish, 2007. 361 p.
12. Rodionova O.M. *Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v kontekste sovremennogo chastnogo prava* [Civil Regulation Mechanism in Current Private Law]. Moscow, Statut, 2013. 336 p. (In Russian)
13. Mal'ko A.V. Subjective law and legal interest. *Pravovedenie*, 1998, no. 4, pp. 58–70. (In Russian)
14. Yatsenko T.S. *Grazhdansko-pravovaya okhrana publichnykh interesov* [Civil Remedies for the Protection of Public Interests]. Moscow, Statut, 2016. 312 p. (In Russian)
15. Hesselink M.W. The concept of good faith. In: *Towards a European Civil Code*. Boston, London, Kluwer Law Int., 2004, pp. 471–498.
16. *Black's Law Dictionary*. Black H.C. (Ed.). St. Paul, West Publ. Co., 1990. 1657 p.
17. Shershenevich G.F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Vol. 1: Theoretical part: General theory of law: Issue 1. Moscow, Izd. Br. Bashmakovy, 1910. VI, 320 p. (In Russian)
18. Pokrovskii I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of Civil Law]. Petrograd, Pravo, 1917. 328 p. (In Russian)
19. Shchennikova L.V., Bykova M.O. Good faith as a civil law principle. *Vlast' Zakona*, 2013, no. 4, pp. 47–51. (In Russian)
20. Fedin I.G. Good faith as a legal category. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2018, no. 4, pp. 21–30. doi: 10.17803/1994-1471.2018.89.4.021-030.
21. Nam K.V. Development of the good faith principle. Current stage. Internal systematics. *Vestnik Ekonomicheskogo Pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 7, pp. 83–114. (In Russian)
22. Esser J., Schmidt E. *Schuldrecht*. Bd. I: Allgemeiner Teil. Karlsruhe, Mueller, 1975. 294 S. (In German)

Для цитирования: Тужилова-Орданская Е.М. Соотношение категорий «интерес» и «добросовестность» в процессе осуществления вторичных прав // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 2. – С. 52–68. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.52-68.

For citation: Tuzhilova-Ordanskaya E.M. A correlation between the categories “interest” and “good faith” in enjoyment of the secondary rights. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 2, pp. 52–68. doi: 10.26907/2541-7738.2020.2.52-68. (In Russian)